

Инна Криксунова

Миражи в городе любви

Инна Абрамовна Криксунова Миражи в городе любви (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

Миражи в городе любви:

Аннотация

Сборник из трех современных повестей о любви: «Наследство», «Знакомство в Юрмале», «День святого Валентина». Все их объединяет сквозная мысль: когда отношения основаны на корысти и желании лишь получать, то они приводят к закономерному финалу – разрушению отношений, горечи потери, а иногда и к трагедии.

«Наследство»: молодой мужчина имеет связь с женщиной намного старше себя, а любит ровесницу...

«Знакомство в Юрмале»: у молодой женщины так сложились отношения дома, что она вынуждена искать возможность уехать оттуда. Познакомившись с солидным москвичом, она переезжает в Москву...

«День святого Валентина»: одинокая женщина получила в наследство уникальные драгоценности. Она знакомится с мужчиной, влюбляется в него...

Содержание

Наследство	4
День святого Валентина	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Миражи в городе любви

Наследство

Ирина Ладынина стояла на Лиговском проспекте и ловила такси. Были уже сумерки, моросил мелкий дождик. Сегодня Ирина сильно задержалась на работе и очень устала. Ей не хотелось ехать домой в общественном транспорте, тем более что в этом случае ей пришлось бы делать пересадку и ждать на остановке на ветру, когда придет нужный автобус. Ирина хотела как можно быстрее попасть домой, в свою небольшую, но теплую и уютную квартирку, чтобы, закрыв за собой дверь, скинуть пальто, надеть тапочки, заварить горячий, душистый чай, сделать себе несколько бутербродов, взять пару яблок и устроиться на диване перед телевизором.

Через несколько минут перед нею, мягко притормозив, остановилась машина. В ней сидел частник, подрабатывающий извозом. Ирина наклонилась к приоткрытой дверце, чтобы спросить у водителя, отвезет ли он ее на Бухарестскую улицу, в самый конец. В ответ водитель, не говоря ни слова, кивнул. Ирина села в машину, и они поехали.

Водитель на самом деле оказался молчаливым. Он повернул на Витебский проспект. Там почти отсутствовали светофоры, и поэтому можно было ехать значительно быстрее, чем на центральных улицах города. В этот вечерний непогожий час на Витебском проспекте было совсем немного машин. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, так как Витебский считался объездной, грузовой трассой, и поэтому основной поток транспорта здесь проходил лишь днем, в рабочие часы. Кроме того, на Витебском практически не было жилых домов, благодаря чему проспект в это время суток выглядел пустынным и безлюдным. Лишь немногочисленные фонари, тусклые в капельках морозящего дождя, освещали дорогу расплывчатым, неясным светом.

Сидя в салоне автомобиля рядом с шофером Ирина согрелась и почти задремала. На дорогу она не смотрела, мысли ее уплывали вдаль... Вдруг неожиданно она почувствовала резкий толчок вперед, услышала визг тормозов и боковым зрением увидела четкий силуэт черной кошки, которая одним прыжком промелькнула перед самым носом автомобиля и молниеносно умчалась куда-то вбок. Машину крутануло на одном месте, затем она осела на одну сторону, с металлическим скрежетом проехала, подпрыгивая, еще какое-то расстояние и уже на исходе тормозного пути слегка ударилась передом в столб освещения.

Судя по всему, у машины спустилось колесо. Видимо водитель старался объехать неожиданно возникшую перед ним кошку, и не желая давить бедное животное, сделал неудачный маневр, в результате которого машина попала в глубокую выбоину или крышку люка, прикрытую лужей.

К счастью, перед ударом о столб водитель успел сбросить скорость, поэтому ни он, ни его пассажирка внешне не пострадали. Однако правая передняя часть автомобиля была изрядно помята. В частности, правая фара была полностью разбита.

– О, ч-черт! – зло сказал водитель, выходя из машины.

Он добавил еще одну крепкую фразу, «по-русски» разрядив свои эмоции. После того, как водитель открыл рот, в машине отчетливо запахло перегаром.

«Э-э, да он пьян!», – подумала Ирина. «Как же я раньше этого не заметила!», – укоризненно сказала она самой себе. Видимо, от усталости она была настолько поглощена своими мыслями, что не обратила внимания на то, что водитель, что называется, «подшофе». Такая невнимательность была ей, в общем-то, несвойственна. Видимо, утомление, а также мрачная, неуютная осенняя погода сыграли свою роль, заставили ее целиком уйти в себя.

Ирина почувствовала боль и поняла, что ударилась. Поначалу из-за нахлынувших эмоций она ничего не ощутила, но теперь у нее заныло правое плечо, предплечье и локоть. Ноющая боль неприятно отдавала в запястье, и даже в мизинце как будто что-то покалывало. Судя по всему, ушиб был не слишком сильным, но синяки, скорее всего, будут.

Вдруг рядом затормозил какой-то автомобиль. Из него вышел высокий, крепкий мужчина и подошел к пострадавшей машине. Он наклонился к тому месту, где сидела Ирина и быстрым, внимательным взглядом осмотрел салон.

– Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? – спросил он.

Ирина попробовала открыть дверцу. К счастью, та поддавалась. Ирина, опираясь на руку мужчины, осторожно вышла из машины. Голова ее немного кружилась, ей было не по себе. Но, постояв пару минут, Ирина поняла, что в целом она чувствует себя довольно сносно. Могло быть и хуже.

Мужчина еще раз спросил, не нуждается ли она и водитель в помощи. Незадачливый шофер ответил, что с ним все в порядке, и что он, немного придя в себя, попытается поменять колесо, благо запаска у него есть. Затем, учитывая, что машина не получила серьезных повреждений и у нее слегка помят лишь передний бампер и фара, он попробует сдвинуться с места самостоятельно. Если машина сможет ехать, то он на малой скорости постарается добраться в гараж. Если же ничего не получится, и машина не двинется с места, то он позвонит своим друзьям, и те приедут и отбуксируют его на ремонт. Видно было по всему, что сейчас водитель больше всего хочет отделаться от своей пассажирки, свидетельницы его нетрезвого состояния. У него на лице было написано, что он был бы очень рад, если бы она каким-то образом исчезла из поля зрения.

Ирина стояла, молча. Она растерялась и плохо соображала, так как голова все еще продолжала кружиться.

Мужчина, на чью руку она опиралась, повернулся к ней и спросил:

– Как вы себя чувствуете? У вас все в порядке? Может быть, отвезти вас в травмпункт? У вас бледное лицо.

– Спасибо, не стоит. Мне кажется, я чувствую себя вполне сносно. Мне надо лишь немного придти в себя.

– Тогда, может быть, отвезти вас до дома?

– Буду вам очень благодарна. Я заплачу, сколько надо.

Мужчина отрицательно помахал рукой, причем, сделал это весьма решительно.

– Перестаньте, о чем вы говорите! Но все-таки, может быть, вам стоит показаться врачу? У вас может быть сотрясение мозга.

Однако ехать в травмпункт Ирина отказалась и пообещала своему нежданному спасителю, что если дома ей станет хуже, то она непременно вызовет неотложную помощь.

Спаситель помог Ирине сесть в его машину, и они поехали. Салон автомобиля был опрятным, там чувствовался едва уловимый запах хорошего мужского одеколona. Играла негромкая музыка. Приятные лирические мелодии сменяли одна другую. Кажется, пели Хулио Иглесиас, Демис Руссос. Слушать эту расслабляющую музыку, наполненную любовными признаниями, было легко и приятно. Мысли становились как будто невесомыми и уплывали куда-то вдаль...

Однако через какое-то время Ирина вновь почувствовала дурноту. В верхнем зеркальце, расположенном над пассажирским сиденьем, она увидела свое побелевшее лицо. Мужчина остановил машину и под руку вывел ее на улицу немного подышать воздухом. Холодный, влажный осенний воздух вливался в легкие, и от этого Ирине стало немного лучше.

Она постояла еще пару минут рядом с машиной, затем мужчина усадил ее на сиденье. Они вновь поехали дальше. По прошествии некоторого времени он достал из «бардачка» маленький термос и предложил ей выпить горячего кофе.

– Я еду из-за города, был в гостях у своих знакомых, – объяснил он, – ну и взял в дорогу кофе. Я привык, чтобы у меня в машине всегда был под рукой горячий кофе. Поэтому и вожу с собой этот походный термос, – улыбнулся он.

Мужчина подъехал к обочине дороги и заглушил мотор автомобиля. Он достал из «бардачка» небольшую пластмассовую чашку и налил в нее из термоса дымящийся кофе, от которого исходил щекочущий ноздри душистый, аппетитный аромат. Ирина пила маленькими глоточками горячий кофе и чувствовала, что ей становится, действительно, лучше.

Незаметно они доехали до ее дома, до самого подъезда. Мужчина осторожно вывел Ирину из машины.

– Давайте я доведу вас до квартиры, – предложил он. – Все-таки вам не стоит идти одной по лестнице, у вас может закружиться голова.

– Я поеду на лифте, и, кроме того, мне неудобно затруднять вас, – попыталась улыбнуться Ирина. – Вы из-за меня столько времени потратили.

Однако она все же согласилась, чтобы он проводил ее наверх. Мужчина доставил ее на лифте до дверей квартиры. Прикосновение его сильных рук было приятным и, несмотря на головную боль, волнующим. Мужчина всем своим поведением непринужденно создавал вокруг Ирины бережную, заботливую, обволакивающую атмосферу. У дверей Ирина поблагодарила своего спасителя. С видимым облегчением оттого, что уже находится на пороге своего дома, она хотела попрощаться с ним.

– Вы не возражаете, если я завтра позвоню вам по телефону, чтобы убедиться в том, что все в порядке? – спросил он. На его лице был написан немой вопрос: замужем она или нет? Если да, то сейчас она, несомненно, даст ему понять, что звонить не стоит.

– Позвоните, – сказала Ирина и продиктовала ему свой номер телефона. – Меня зовут Ирина, – назвалась она.

– А меня Григорий, – в свою очередь представился мужчина. – Григорий Лукин. Ирина попрощалась с новым знакомым и вошла в свою квартиру.

* * *

За городом все еще стояла золотая осень. Неуклонно приближался период поздней осени, с ее холодными, заиндевелыми утренниками и студеными ночами. Но пока это время еще не наступило.

Под ногами шуршали сухие кленовые и березовые листья. А небо в редкие дни, такие, например, как сегодняшний, продолжало радовать глаз своей чистотой и холодной осенней голубизной. На ветках рябины все еще попадалось немало крупных оранжевых ягод, не до конца склеванных птицами. От земли исходили едва уловимые влажные запахи осенних грибниц и прелой хвои.

Ирина и Григорий неторопливо гуляли по загородному парку. Громадный живописный парк, местами больше похожий на лес с аккуратно выложенными дорожками, был полупустым. За все время прогулки им встретилось на пути всего несколько человек. Скорее всего, виной тому был будний день, выбранный ими для поездки за город.

Лицо Ирины порозовело от свежего холодного воздуха. Ее светлые волосы немного растрепались, и вообще она выглядела весьма привлекательно в своем спортивном кожаном плаще, подчеркивающем ее ладную, подтянутую фигуру. Они как раз проходили мимо узкого ручейка, струящегося на дне невысокой канавы, и Григорий заботливо подал ей руку,

чтобы она смогла опереться на нее, переступая через канаву. Руки у него были крупные, мужественные, с длинными сильными пальцами, но вместе с тем опрятные и ухоженные.

Григорий нравился ей, он все больше заинтриговывал ее. Его стиль поведения был, несомненно, обольщающим и обволакивающим, но вместе с тем, тактичным и неназойливым. Ее спутник производил на нее впечатление опытного и уверенного мужчины, умеющего спокойно и терпеливо ждать подходящего момента, и не спешащего испортить этот момент преждевременно проявляемой инициативой. Она чувствовала, что Григорий всем своим поведением как бы плетет вокруг нее сеть. Но это ощущение было приятным и даже сладостным. В его присутствии она чувствовала себя «женщиной, которая нравится». И это, безусловно, льстило ей.

Гуляя, они увидели очаровательное старинное здание из красного кирпича. Оно было построено в виде круглой башни. Посередине нее поднималось сторожевое возвышение, увенчанное флюгером. Это невысокое здание почти скрывалось за темно-желтой листвой деревьев, многочисленных в этой части парка.

Когда Григорий и Ирина подошли к зданию ближе и стали обходить его кругом, то они увидели вывеску «Ресторан „Старый парк“».

– Зайдем? – спросил Григорий. – Я успел изрядно проголодаться. Да и вы, наверное, тоже? – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнес он, глядя на ее раздумывавшееся от холодного воздуха лицо.

– Я тоже не прочь перекусить, – с улыбкой ответила Ира, – к тому же очень хочется посидеть, отдохнуть, согреться. Ведь мы с вами гуляем уже более двух часов и прошли немалое расстояние.

Они вошли в небольшой вестибюль ресторана и отдали верхнюю одежду в гардероб. Затем поднялись на второй этаж по довольно крутой и узкой винтовой лестнице с витыми дубовыми перилами. Перед их глазами предстал весьма уютный маленький зал, скорее похожий на комнату. Там стояло всего восемь столиков. Довольно низкий потолок, а также два окна, занавешенные зелеными суконными шторами, украшенными тяжелыми декоративными кистями, усиливали общее ощущение замкнутого, интимного помещения.

– У меня такое ощущение, что я нахожусь в маленькой башне старого замка! – воскликнула Ирина, обводя глазами интерьер. – Признайтесь, Гриша, вы знали этот ресторан и вели меня именно сюда?

– Не скрою, я бывал здесь и раньше, – улыбаясь, ответил Григорий, – и мне, действительно, хотелось сделать вам сюрприз. Поэтому я и не говорил вам, куда мы направляемся, чтобы появление этой чудесной башни было для вас неожиданным и доставило вам удовольствие.

Они сели за стол, который тоже был стилизован под старину. Он опирался на резные дубовые ножки и был накрыт темно-зеленой скатертью под цвет оконных штор. Сверху на скатерти лежали кремовые кружевные салфетки.

Кроме них в этом зале, напоминающем старинную комнату, сидела еще одна пара посетителей – две дамы среднего возраста, судя по всему, пришедшие сюда пообедать, а заодно и обсудить кое-какие деловые вопросы. На это указывала прозрачная папка с бумагами, положенная на их столике, а также то, что одна из них с деловитым, серьезным видом довольно долго разговаривала по мобильному телефону, а другая, прислушиваясь к ее разговору, усердно поддакивала и кивала.

Довольно скоро официант принес Ирине и Григорию красное вино и дымящееся мясо с ароматным гарниром из затейливо разложенных овощей и трав. От блюда исходил необычный, сладковато-пряный, но вместе с тем чрезвычайно аппетитный запах.

– Это наше фирменное блюдо – мясо по-охотничьи, – пояснил официант. – Оно пользуется большим спросом у наших гостей. Возьмите к нему маринованные патиссоны, – предложил он. – Они вам понравятся.

– Хорошо, – ответил Григорий. – Принесите, пожалуйста, две порции.

– А что такое патиссоны? – спросила Ирина, когда официант отошел. – Я раньше слышала это слово, но никогда их не ела, как-то не пришлось.

– Это такой сорт тыкв, с волнистым краем. Маленькие патиссоны, диаметром до пяти сантиметров, не имеют косточек, поэтому они очень нежные. В маринованном виде они очень хороши. Я думаю, вам понравится их хрустящий, пикантный вкус.

Маринованные патиссоны, действительно, оказались превосходным дополнением к горячему, изумительно пахнущему мясу.

– Я хочу предложить тост за черную кошку, – с улыбкой сказал Григорий, приподняв свой бокал. Увидев удивленный Иринин взгляд, он закончил фразу: – ту самую кошку, благодаря которой мы встретились.

Ирина засмеялась.

– Я совсем забыла о ней! Все это было настолько неожиданно! В тот момент я была больше всего рада, что со мной не произошло ничего серьезного. У меня кружилась голова, и единственной мыслью было – добраться поскорее до дома. Слава богу, что все это уже позади и обошлось без последствий. А что касается кошки, то помню только, что она была похожа на пуму, какой ее изображают на футболках.

– Ира, вы не возражаете, если мы с вами перейдем на «ты»? – вдруг неожиданно, без всякой связи с разговором, спросил Григорий, глядя в глаза Ирине.

– Я не против, – ответила она и слегка улыбнулась.

Взгляд Григория волновал. В его глазах ощущалась сила, но сила укрощенная. До поры, до времени. Она чувствовала в нем мужчину, который вызывал в ней желание. От его взгляда учащалось дыхание, и сердце начинало биться очень быстро...

Официант принес мороженое с сиропом, щедро посыпанное сверху орехами и тертым шоколадом. Ирина с удовольствием ела любимый десерт, неспешно помешивая его ложечкой и наслаждаясь отменным вкусом.

Вдруг она сделала неловкое движение, и чайная ложка, звонко стукнув о блюдце, упала под стол. Ирина, желая поднять злополучную ложечку, наклонилась. Подняв ее, она выпрямилась. Увидев направление взгляда своего спутника, она заметила, что от всей этой возни несколько пуговиц на ее блузке расстегнулись, обнажив верхнюю часть груди. Как ни в чем не бывало, она непринужденно застегнула пуговицы. Подождав, пока официант принес ей другую ложку, она спокойно продолжила доедать свой любимый десерт.

Однако перед глазами Григория все еще стоял небольшой кулон старинной работы, до этого прятанный под Ирининой блузкой, прямо в глубокой ложбинке ее груди. На тонкой золотой цепочке висел голубой бриллиант в изящной оправе. Перед внутренним взором Григория этот бриллиант все еще продолжал испускать ослепительные лучи неземного, небесного света.

* * *

Ирина лежала на диване, положив ноги на его спинку, как это любят делать молодые женщины, разговаривая по телефону. Она уже почти целый час болтала с подругой. Ирина была одета в облегающие леггинсы, выгодно подчеркивающие ее стройные ноги, а также в просторную рубаху в клеточку.

Почти всю стену над диваном занимал большой глянцевый плакат. На нем была изображена шикарная молодая пара на фоне ночного пейзажа, а где-то вдалеке манил огнями

и силуэтами небоскребов большой город. Мужчина и женщина, холодно улыбаясь, глядели с плаката прямо в лицо зрителю. Их красивые, лощеные лица почему-то навевали тревожное настроение.

Выше над плакатом висела африканская маска, подсвеченная изнутри маленьким светильником. Она вызывала в памяти картины танцующего с зажженными факелами темнокожего племени.

На письменном столе у окна располагался компьютер. Там же лежали дискеты и журналы, а также стояла чашка с остывшим недопитым чаем и недоеденная шоколадка.

Справа от письменного стола на стене висело большое зеркало, под ним стоял маленький туалетный столик и пуф. На туалетном столике были разложены разные женские мелочи: сумочка-косметичка, флакон духов, помада, крем, заколки, щетка для волос и фен. На краю столика лежала свернувшаяся змейкой золотая цепочка с бриллиантовым кулоном, который, сверкая голубыми бликами, отражался в зеркале.

Рядом с диваном, на котором лежала Ирина, стояло кресло. В нем, уютно свернувшись, спал большой персидский кот. Разговаривая с приятельницей, Ирина лениво гладила его одной рукой по мягкой, шелковистой серой шерсти. Кот, не шевелясь и не меняя позы, удовлетворенно мурлыкал, издавая звуки наподобие тех, которые издает тихо работающий мотор.

Ирина разговаривала с подругой, которая последние годы жила в Соединенных Штатах. Аня (так звали подругу) семь лет назад вышла замуж за американца русского происхождения, и переехала к нему в Лос-Анджелес. В Питере у нее осталась мать, и Аня, будучи чрезвычайно привязанной к родительнице (впрочем, так же, как и та к ней), каждый год приезжала навещать маму. Самое интересное, что когда во время этих приездов они с матерью жили вместе, то они отчаянно ссорились и частенько кричали друг на друга. Но стоило им только расстаться, как обе тут же начинали страшно скучать. Живя на расстоянии, они часто звонили друг другу и тратили на международные телефонные звонки кучу денег.

Надо сказать, что из-за Аниного переезда в другую страну связь между подругами отнюдь не прервалась. Ирина поддерживала с Аней отношения по Интернету, пользуясь электронной почтой. Но все-таки это было не то, ведь в письмах, тем более, электронных, всего не расскажешь. Поэтому основное общение между подругами происходило во время Аниных «кавалерийских наездов» в Питер. Тогда женщины могли беспрепятственно общаться по телефону, и, кроме того, они нередко заходили друг к другу на часок, на чашку кофе. И все-таки они не могли наговориться.

Ирина уже успела рассказать Ане о своем новом знакомом. Она поведала ей о том, при каких обстоятельствах она познакомилась с Григорием, рассказала об их романтической загородной прогулке.

– Интересный мужик! Высокий, фигуристый, все при нем, – шутливо обсуждала Ирина с подругой достоинства своего нового знакомого. Они упоенно сплетничали, как это всегда делают женщины, причем, любого характера, уровня культуры и образованности. – С одной стороны он успел меня здорово заинтриговать. Но ты знаешь, Анька, что-то меня в нем настораживает.

– А что именно? – спросила подруга.

– Ты знаешь, интуитивно я испытываю какое-то недоверие к нему. Меня не покидает ощущение, что у него есть «второе дно». Вроде как Штирлиц. Посмотришь на него – ну прямо супермен, сплошное мужское обаяние. Однако чувствуется, что мужик полностью не раскрывается, чего-то недоговаривает, скрывает.

– Да ну тебя, Ирка! Вечно ты мужиков под лупой разглядываешь! Будь проще, радуйся жизни! У нее, понимаете ли, интересный ухажер завелся, супермен, по загородным ресторанам ее водит, а она еще носом крутит. Смотри, так и останешься одна, если будешь чересчур

придираться к мужикам, «второе дно» у них искать. Молодость-то наша женская не вечна, не забывай об этом! Все-таки тридцатник уже, пора бы и тебе прибиться к какому-нибудь берегу.

– Ты представляешь, Ань, ему от меня ничего не надо! – продолжала Ирина. – Как тебе это нравится? Даже целоваться не полез, когда меня с загородной прогулки провожал домой! Ни разу не напрашивался зайти на чашку чая, ну, и так далее... Где ты такое видела?

– Не говори! Культура мужского поведения тоже должна иметь какие-то пределы, – хохотала Аня. – Нельзя же, в конце концов, относиться к женщине, как к хрустальной вазе!

– Слушай, он меня буквально «окучивает». Видимо, хочет произвести впечатление настоящего джентльмена. Только зачем? Какая у него цель? Чего он от меня в действительности хочет? Вот этого я не понимаю.

Подруги продолжали с шутками-прибаутками обсуждать поведение нового знакомого Ирины. Видно было по всему, что Григорий волнует Ирину, что его мужские чары отнюдь не оставляют ее равнодушной. Но вместе с тем было очевидно, что что-то мешает ей безоглядно влюбиться в него.

Наконец, подруги закончили разговор. Положив трубку, Ирина подошла к компьютеру, увидела чашку с безнадежно остывшим чаем и пошла на кухню, чтобы вскипятить воду и заварить себе свежий чай. Как вдруг снова зазвонил телефон.

Это звонил Михаил, давний Ирин поклонник, человек во всех отношениях положительный. Но он, увы, не вызывал в ней никаких эмоций, кроме рассудочного уважения, а также некоторого чувства вины за то, что она не испытывает никаких чувств (кроме скуки) по отношению к такому достойному представителю мужского пола. Михаил занимал достаточно высокое положение в одной солидной фирме. Он был превосходно обеспечен, ему прочили в скором будущем серьезный карьерный рост, а следовательно, и ощутимое увеличение доходов. В общем, связав свою судьбу с ним, она бы, как говорится, «каталась, как сыр в масле». Но...

Михаил был тихо и покорно влюблен в нее уже на протяжении полутора лет. Странно, но он почему-то тоже не позволял себе предпринимать активных действий по отношению к ней. Ни разу не пытался поцеловать, разве только в щеку, при расставании. Он водил ее в театры, на концерты модных исполнителей, ужинать в рестораны.

Однажды он пригласил ее поехать с ним вместе в Париж на десять дней, чтобы отдохнуть в этом «городе мечты». Но она под внешне благовидным, однако, явно притянутым за уши предлогом, отказалась. После того как она не согласилась поехать с ним в Париж (!), Михаил понял, что ему, как говорится, «ничего не светит». Ему стало абсолютно ясно, почему она отказалась. Ведь тогда им пришлось бы неминуемо оказаться в одной постели, а вот этого как раз Ирина представить себе не могла, ни под каким «соусом».

Михаил отступил. Но все-таки он продолжал звонить ей раз в два-три месяца, как бы проверяя, а вдруг любимая женщина изменит свое отношение к нему, и все у них сложится. Чем черт не шутит?

Вежливо, но односложно отвечая на вопросы Михаила, Ирина в душе мечтала поскорее закончить разговор. Боже мой, ну почему, общаясь с ним у нее буквально сводит скулы от скуки? Сославшись на срочные дела, Ирина искусно закруглила беседу. Стараясь не обидеть ни в чем не повинного поклонника, Ирина пообещала ему перезвонить через пару дней.

Положив трубку, она подошла к окну. Уже наступили сумерки. Вид из окна одиннадцатого этажа был красивый. Сквозь серо-сизые тучи видны были оранжево-сиреневые отблески садящегося солнца. Золотые квадратики блестели на окнах домов, создавая причудливую, быстро меняющуюся мозаику.

После звонка Михаила настроение Ирины испортилось. Ее охватило неприятное ощущение душевной тревоги, она остро почувствовала свое одиночество. Мужчины, которые,

несомненно, могли бы понравиться многим женщинам, проявляют к ней явный интерес. Но ни один из них не может вызвать у нее глубокого чувства, которое захватило бы ее без остатка, заставило почувствовать себя счастливой.

Ну почему она должна быть все время одна? Когда же, наконец, это кончится?

* * *

Ирина болела. Она лежала, укрытая двумя теплыми одеялами, и все-таки не могла согреться. Она была сильно простужена, и это была почти неизбежная дань осеннему времени года. Возведенный на болотах Петербург был изначально обречен на сырой, нездоровый климат.

Насморк и кашель измучили Ирину. Ее нос от беспрестанного сморканья распух и покраснел, глаза слезились. Грудная клетка и даже мышцы живота ныли из-за непрекращающегося кашля. Руки и ноги были холодными как ледышки.

Вдруг раздался звонок в дверь. Ирина с трудом заставила себя выбраться из-под одеяла. Она спустила ноги на пол, нащупала тапочки, натянула махровый халат с капюшоном и прошлепала к двери.

– Кто там? – спросила она.

– Это я, – услышала она голос Григория. – Я позвонил тебе на работу, и мне сказали, что ты разболелась и уехала домой. Я просто не мог не приехать.

Ирина внутренне сжалась. Меньше всего ей сейчас хотелось представлять в таком виде перед мужчиной, который был ей отнюдь не безразличен. Но делать нечего, не отправлять же его восвояси!

– Гриша, я сейчас в таком виде, что наверняка тебя сильно разочарую, – попыталась шутить Ирина.

– Хорошо, я не буду на тебя смотреть, – усмехнувшись, сказал Григорий. – Я привез тебе еду и приехал, чтобы помочь. Наверное, надо сходить в аптеку за лекарством? Только, может быть, ты сначала откроешь дверь?

– Конечно, – ответила Ира, впуская его. – Входи. А лекарства у меня есть, спасибо. Я по пути зашла в аптечный киоск, благо он находится в нашем доме. – Зная, что сейчас она находится не в лучшем виде, она, опустив лицо, быстро прошла в комнату и юркнула в постель.

Лежа на диване, она сквозь открытую дверь видела, как в прихожей Григорий поставил на пол пакеты с продуктами и снял куртку. Затем он прошел на кухню, и Ирина услышала, как он выкладывает на стол купленную еду.

Затем он пошел в ванную мыть руки. Смывая мыло с ладоней под струей теплой воды, Григорий бросил взгляд в зеркало, под которым, как обычно, находилась стеклянная полочка с принадлежностями для мытья. На ней стоял стаканчик с зубной щеткой и пастой, флакон с жидким мылом, шампунь, дезодорант. В глаза Григорию бросилась небрежно положенная с краю цепочка с голубым бриллиантовым кулоном, и рядом с нею – изящные серьги старинной работы с таким же камнем, в такой же оправе.

Григорий появился в дверях комнаты, где лежала Ирина. Красный Ирин фартучек с надписью «Super Pizza», надетый на его мужественную, рослую фигуру, придавал ему заботливый и вместе с тем трогательный вид.

– Я сейчас сделаю тебе горячего чая с медом и лимоном, – сказал он, – и приготовлю бутерброды.

– Да не надо, мне не хочется есть, – слабо протестовала Ира. У нее, действительно, не было аппетита.

Но из кухни уже слышались аппетитные запахи. Вскоре Григорий принес небольшой поднос, на котором стояли две небольшие тарелки. На одной из них лежали два бутерброда с красной рыбой, а на другой – апельсин, нарезанный круглыми ломтиками. Рядом дымилась чашка горячего крепкого чая с лимоном. Тут же, на подносе, стояло блюдо с коробочкой аспирина, и лежала пара бумажных салфеток. Словом, «накрыто было чисто, умело», как сказано у Булгакова в романе «Мастер и Маргарита».

Комната была освещена только настольной лампой, стоящей на тумбочке около дивана, на котором лежала Ирина. Абажур лампы был прикрыт платком из тонкой шерстяной ткани с темно-красным узором. Благодаря этому освещение комнаты было приглушенным, интимным, а свет от лампы чем-то напоминал отблески костра.

– Сейчас будет сюрприз, – вынимая какой-то небольшой пакет из кармана куртки, сказал Григорий.

– Я думала, что все сюрпризы уже состоялись, – слабо отшучивалась Ирина. Она на самом деле чувствовала себя весьма неважно, и сейчас, после еды и горячего чая, она ощутила, что больше всего в данный момент ей хочется спать.

Григорий принес с кухни спички и большой стакан, что-то поставил туда и зажег. По комнате стал распространяться еле уловимый, тонкий, пряный аромат явно восточного происхождения.

– Ароматические палочки, – пояснил он. – С эвкалиптом, мятой и сосновым экстрактом. Они очищают воздух, расслабляют сосуды и хорошо помогают при простуде.

– Никогда раньше не слышала о том, что этим можно лечить простуду – сказала Ирина, вдыхая слабо курящийся дым. Она явно боролась со сном.

– А ты вспомни вьетнамский бальзам «Звездочка», он тоже запахом лечит.

За окном расстилался предвечерний город. Позвякивали трамваи на стыках рельсов. Дети, играя, перекликались звонкими голосами. Осенью в Питере темнеет рано, поэтому уже зажглись уличные фонари. С высоты одиннадцатого этажа были видны дома, много домов. Их окна то тут, то там загорались огоньками. Панорама вечерних огней выглядела красиво и загадочно.

Почти засыпая, Ирина услышала, что Гриша в передней одевает куртку.

– Спи, – негромко сказал он. – Не вставай, я сам захлопну дверь. Поправляйся. Я завтра позвоню.

– Спасибо тебе, – ответила Ирина. – Я даже не знаю, чем я заслужила такой подвиг с твоей стороны.

– Не выдумывай, никакого подвига я не совершил. Нормальное стремление помочь. Поправляйся. Спи.

Щелкнул дверной замок. Перед тем как уснуть, Ирина почувствовала, что улыбается. Так она и уснула с улыбкой на губах.

* * *

Придя с работы, Ирина приготовила себе легкий ужин: салат, яичницу и чай с молоком. Закончив трапезу, она пошла в комнату и устроилась в глубоком кресле, уютно свернувшись в нем с ногами. Затем она взяла газету с анонсами телевизионных программ, и лениво стала просматривать ее, отмечая передачи, которые она собиралась посмотреть сегодня вечером.

Зазвонил телефон. На другом конце провода был Григорий.

– Что ты делаешь? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я хочу тебя пригласить в гости. Мне надо навестить свою тетушку, и я хочу взять тебя с собой. Не пожалеешь, она женщина занятая, всю жизнь в театре проработала. Может много чего интересного порассказать. Она хорошая рассказчица, поэтому гостей любит.

– Ладно, поедem, – ответила Ирина, в душе несколько удивившись Гришину пригласению. – Заезжай за мной минут через сорок. Когда будешь подъезжать, позвони мне из машины, и я сразу выйду вниз.

– Хорошо, договорились.

Когда Ирина села в машину, то она обратила внимание, что на заднем сиденье лежат несколько объемных пакетов.

– Это продукты, – пояснил Гриша. – Я только что из магазина. Здесь картошка, овощи, молоко, корочка, все тяжелое. У тетушки артрит, она не может носить тяжести, у нее суставы рук болят, и поэтому я один раз в две недели привожу ей провиант. По мелочи-то она сама в магазин ходит, ну там, двести граммов сыра принести, йогурт, пачку творога – это она может.

– Ты случайно не из общества «Тимур и его команда»? – смеясь, спросила Ирина.

– Почти, – в тон ей ответил Григорий.

Григорий открыл дверь своими ключами, и они вошли в прихожую. Но навстречу им никто не вышел. В квартире было темно. Похоже, никого не было дома. Гриша прошел на кухню, включил свет, и увидел на кухонном столе записку, прижатую сверху солонкой. Записка гласила: «Гришенька! Я поехала к Лидии Сергеевне. Ее положили в больницу с сердечным приступом. Я хотела тебя предупредить, но не дозвонилась. Пей чай с конфетами. Тетя Вера».

– Небольшая накладка, – пояснил Гриша. – Тетушка уехала к своей приятельнице в больницу. Велела пить чай. Что мы сейчас и сделаем.

Однокомнатная квартирка была чисто убрана, все вещи стояли на своих местах. Скромную обстановку украшали вышедшие из моды безделушки в стиле ретро, а также несколько театральных плакатов двадцатилетней давности. В общем, это была типичная квартира аккуратной пожилой женщины, некоторым образом причастной к искусству.

На кухне негромко шумел, закипая, чайник. В вазочке посреди стола лежали любимые тетушкины конфеты «белочка» и «грильяж». Григорий и Ира с удовольствием пили ароматный горячий чай, заедая его шоколадными конфетами. Ирина чувствовала себя очень уютно и раскованно в этой скромно обставленной, аккуратной квартирке. Она смотрела на Гришу мягким, умиротворенным и почти влюбленным взглядом.

– Ира, выходи за меня замуж, – неожиданно произнес Григорий. – Ты именно та женщина, которую я хотел встретить всю жизнь.

– Что ты сказал? – от неожиданности у Ирины перехватило дыхание. Несколько секунд она вообще не могла произнести ни слова. – Ты меня просто ошеломил! – Она испытующе глянула на него. – А ты меня вообще-то любишь? Ведь ты об этом совсем не говорил! То есть, я, конечно, чувствовала, что нравлюсь тебе, каждая женщина это чувствует. Но чтобы вот так, сразу...

– Я не говорил тебе ничего, потому что я боялся сделать это не вовремя. – Григорий помолчал. – Ты единственная женщина, которая вызывает у меня чувство благоговения. Как бы странно это не звучало, но это действительно так, поверь.

– Я прямо не знаю, что тебе сказать!

– Ничего не говори. – Григорий сделал паузу. – Со времени нашего знакомства не прошло и месяца. Поэтому я понимаю, что мое предложение является для тебя полной неожиданностью. Поэтому давай сейчас об этом говорить не будем. Я даю тебе время подумать обо всем. Хорошо?

– Да, – ответила Ира, находясь в полном смятении чувств.

Обратную дорогу в машине они молчали. Когда автомобиль подъехал к Иринуному подъезду, Григорий заглушил мотор и, не глядя на Иру, накрыл ее руку своей большой теплой

ладонью. Так они сидели молча, чувствуя сумасшедшие, головокружительные токи, текущие меж их пальцами.

Видя, что Ирина собирается открыть дверцу, чтобы выйти из машины, Григорий взял ее руку, поднес к губам, и, глядя ей в глаза, поцеловал.

– Спокойной ночи! – произнес он.

– Спокойной ночи, – эхом ответила она.

Она вошла в подъезд и закрыла за собой дверь.

* * *

На Ириной кухне царила свойская атмосфера. Ира и Аня пили кофе, одновременно потягивая ликер из маленьких рюмочек. На столе лежала пачка легких дамских сигарет «Vogue». Обе женщины вообще-то не курили, но в редких случаях, в располагающей обстановке, под приятный алкоголь они позволяли себе выкурить по паре-тройке сигарет.

– У тебя, Анька, юбка просто шик, – оглядывая наряд подруги, одобрительно и в то же время слегка завистливо сказала Ирина.

– Итальянская, – горделиво покрутившись перед нею, ответила Анна. – Замшевые вещи с бахромой – это сейчас самый писк! – продолжала она. – Я ее на распродаже купила, всего за пятьдесят баксов, представляешь? Сначала-то она сто сорок долларов стоила. Я все ходила, облизывалась, ждала, пока сезонную распродажу объявят. Эта юбка из последней коллекции, а скидку они сделали из-за того, что на подкладке был шов в одном месте не до конца застрочен, вот здесь, – приподняв подол, показала Аня. – Ты знаешь, Ирка, американцы народ экономный, там все стараются на распродажах вещи покупать. Представляешь, в первый день «сэйлов» там такие толпы перед открытием магазинов собираются, какие у нас в застойные времена были!

– И помада у тебя обалденная – продолжала рассматривать подругу Ирина. – И вообще, подруга, жизнь в Лос-Анджелесе идет тебе явно на пользу, – подвела она итог, оценивая Анин внешний вид.

– Ой, брось, у нас там тоже проблем хватает. Бесплатно ничего не дают. Приходится вкалывать так, что ой-ой-ой. В общем, обычная трудовая жизнь.

– Ладно, покажи-ка мне лучше фотки. Давай их сюда, – перевела разговор на другую тему Ирина.

Она стала неторопливо листать пластиковый альбом-кляссер с фотографиями, привезенными подругой из Америки. Яркие гляцевые снимки были похожи на открытки с изображениями красивой жизни. На них была изображена Анна, одна или с мужем – на фоне океана, на фоне бассейна, рядом с автомобилем, в шезлонге около дома и т. п.

– Красивая машина, вроде бы у вас раньше другая была, – отметила Ирина.

– Эту машину мужу на работе дали, чтобы он ею пользовался. У них так принято, в крупных фирмах дают сотрудникам авто в пользование. Платишь только за бензин и обслуживание, – продолжала пояснять она. – Это «Форд Мондео», – небрежно уточнила Аня с довольным, слегка хвастливым выражением лица.

Женщины подливали себе в рюмки ликер и вскоре немного захмелели. На кухне все чаще слышались остроты, громкий смех.

– Слушай, Ириша, расскажи мне лучше про твоего поклонника, а? – смеясь, попросила Аня.

– Он мне предложение на днях сделал, – сказала Ирина.

– Да ну? – поразилась Анна. – Вы вроде бы недавно познакомились, – удивленно протянула она. – Вот это да! Быстрота и натиск. Вот это мужчина – ну настоящий полковник! – хохотала она.

– Ты бы лучше посоветовала, что мне делать?

– Что делать, что делать. Следовать совету Наполеона, вот что! «Главное – ввязаться в бой, а дальше – видно будет», – пошутила подруга. – Слушай, а у него вообще-то деньги есть? Чем он занимается?

– Судя по всему, не бедствует. Отнюдь. Машина у него нормальная, пристойно одевается, дорогим одеколоном благоухает и все такое. Он как-то говорил, что работает в фирме, занимающейся мобильной связью. Но я, честно говоря, особо не вникала, – ответила на вопрос Ира. – Но я тебе о другом хочу сказать. Слушай, Анька, у нас с ним до сих пор ничего *такого* не было! – смущенно улыбаясь, призналась она.

– Так соблазни. Большое дело! – заливалась смехом Аня, блестя глазами и откидываясь на табурете назад. – Учить, что ли, надо?

– Нет, я серьезно. Сама не знаю, что делать. Вроде бы он мне нравится, но внутренний голос говорит: «подожди, подожди, подожди...». В жизни не испытывала таких сомнений. Я ведь его толком не знаю.

– Знаешь что, милая, выходи-ка ты замуж. Приживетесь вы с ним или не приживетесь – одному богу известно. Пока ты с ним жить будешь, ты хотя бы опыта семейной жизни наберешься, – не унималась Аня. – Я тебе так скажу: уж лучше быть разведенной, чем старой девой. Это более престижно. Хотя какая ты дева! – продолжала хохотать подруга. – Выходи, вот тебе мой совет! Во-первых, приобретешь статус замужней дамы, во-вторых, будешь все время при мужике и, в-третьих, будешь себя гораздо увереннее чувствовать.

Ирина слушала подругу с блестящими глазами и только посмеивалась. Вечерние посиделки на кухне с кофе, ликером, смехом и шутками продолжались.

* * *

Сегодня с утра у Ирины была назначена деловая встреча по работе. Она приехала в огромную гостиницу, расположенную довольно далеко от центра и построенную еще в советские времена. Посещающие Питер туристы явно не спешили селиться в этой гостинице из-за ее отдаленности от центра города. Огромное здание наполовину пустовало, и поэтому руководство отеля сдавало свободные помещения в аренду разным фирмам.

Деловая встреча не заняла много времени. Отдав менеджеру по рекламе образцы печатной продукции своего предприятия и обсудив условия заказа, Ирина вышла в длинный, нескончаемый коридор. Идя к лифту по серому ковровому покрытию, она видела множество дверей с двух сторон гостиничного коридора. Почти на каждой из них висела табличка с названием той или иной фирмы. Вдруг взгляд ее невольно задержался на названии «Издательская фирма „Кондор”», и она остановилась. В „Кондоре” работал Игорь Вертковский, с которым у нее длительное время были близкие отношения, ничем, увы, не закончившиеся и как-то незаметно, сами собой, угасшие. Они не виделись два года.

Однако Ирина знала, что офис „Кондора” располагался совсем в другом месте, в противоположном конце города. Может быть, фирма переехала сюда?

В эту минуту в коридор вышла молодая женщина, по всей вероятности, секретарь, и, глядя на остановившуюся у дверей Ирину, спросила:

– Вы к нам?

– Скажите, а Игорь Евгеньевич на месте? – вопросом на вопрос ответила Ирина.

– Да. Но только сейчас у него посетитель. Подождите, немного, пожалуйста, пока он освободится, – секретарша открыла перед Ириной дверь и, пропустив ее вперед, предложила ей сесть на одно из больших кожаных кресел, стоявших в углу приемной рядом с журнальным столиком.

Ирина стала листать какой-то журнал, но буквы прыгали у нее перед глазами. Господи, она вовсе не собиралась видеться с Игорем! Но секретарша застала ее врасплох, выйдя в коридор именно в тот момент, когда Ира растерянно соображала, тот ли „Кондор” она видит перед собой или другой. Ну, не ретироваться же ей, в конце концов! Теперь это было бы неудобно. Да и, честно говоря, интересно увидеть бывшего возлюбленного, коли уж сама судьба распорядилась так, что она, не думая, не гадая, неожиданно оказалась здесь.

Ирина достала из сумочки пудреницу и помаду, слегка попудрила нос, подкрасила губы, поправила прическу. Оглядев себя в маленьком зеркальце, она осталась довольна своим отражением.

В дверях кабинета показался Игорь. Он провожал посетителя. Когда он увидел Ирину, его брови на секунду поползли вверх, но он тут же овладел собой и придал лицу обычное, спокойное выражение.

– Здравствуй! – сказал он, как ни в чем не бывало. – Проходи, – Игорь сделал широкий приглашающий жест рукой и пропустил ее впереди себя в кабинет.

– Привет! Я была здесь по работе и вдруг иду по коридору и вижу на двери знакомое название. Вы что, переехали сюда, что ли? – пытаюсь скрыть волнение, проговорила Ирина.

– Да. Мы уже год, как здесь, – ответил Игорь. На лице его было написано вопросительное, заинтересованное выражение.

Они молча смотрели друг на друга. Боже, еще два-три года тому назад она была влюблена в этого человека, мечтала связать с ним свое будущее, иметь от него ребенка. Он был женат, но, как многие мужчины, уверял ее, что отношения с женой у него давно разладились, что та его не понимает, что между ними давно уже нет физической близости. Он просил Ирину подождать еще немного, пока он окончательно объяснится с женой. Потом он просил ее подождать еще и еще... В общем, уйти от жены, как он постоянно обещал, он так и не решился. Устав от его бессмысленных заверений, Ирина постепенно свела их общение на нет. И вот теперь они так неожиданно встретились.

Ирина видела, что глаза Игоря блестят, по его жестам и движениям она чувствовала, что он слегка волнуется.

– Ну, как ты? Как поживаешь? – спросила Ирина, чтобы прервать затянувшуюся паузу и сгладить неловкость момента.

Игорь, уводя глаза в сторону и передвигая с места на место какие-то бумаги на столе, начал рассказывать ей о своих проблемах на работе, о заботах, связанных с учебой его маленького сына, о том, как они с женой недавно ездили отдыхать, о здоровье своей мамы и прочее.

Вдруг у Игоря на столе зазвонил телефон, и он стал заинтересованно обсуждать с собеседником какую-то производственную проблему, темпераментно приводя разные аргументы и убеждая того в необходимости поступить именно так, а не иначе.

– Что ты делаешь сегодня вечером? – неожиданно спросил он, как только телефонный разговор закончился.

Ирина с облегчением почувствовала, как волнение отпускает ее. Непринужденный вопрос, заданный Игорем, яснее ясного говорил о том, что он был бы отнюдь не прочь приятно провести с нею время в интимной обстановке, но не более того. Обычный мужской ход мыслей: почему бы не «закинуть удочку», раз уж «рыбка» сидит здесь, прямо перед ним?

Ей стало скучно в этом кабинете, рядом с этим человеком. Конечно, Игорь по-прежнему весьма неплохо выглядит, но от него не исходит даже малой толики того интимного мужского тепла, которое она чувствовала раньше. Или ей казалось, что чувствовала? Сейчас было ясно, что между нею и этим человеком исчезло что-то очень важное. Их связь безвозвратно нарушилась. Она ощутила, что теперь они чужие друг другу люди.

Она довольно быстро под благовидным предлогом свернула разговор. Хотя по тому взгляду, которым Игорь смотрел на нее, Ирина чувствовала, что она все еще производит на него впечатление, как женщина, но, прощаясь с ним, она явно увидела, что Игорь тоже испытывает облегчение оттого, что они сейчас расстанутся. Видимо, он, так же, как и она, уже успел пережить их разрыв, и больше не желал возобновления отношений.

Ирина вышла на улицу. Прохладный ветер освежал ее разгоряченное лицо. Перед глазами возник Григорий, и замелькали картины их встреч: прогулка по загородному парку, обед в «башне замка», заботливое ухаживание Григория во время ее болезни и, наконец, его предложение «руки и сердца», сделанное им в тетушкиной квартире.

Эти воспоминания все больше овладевали ею, наполняя сердце легкостью и вызывая на губах невольную, обращенную к себе самой улыбку. Ирина увидела приближающийся микроавтобус маршрутного такси и, ускоряя шаг, почти побежала, чтобы успеть сесть в него, прежде, чем он отъедет с остановки.

* * *

Ирина и Григорий сидели в маленьком, уютном кафе, располагающемся в тихом, малоллюдном переулке неподалеку от центра. Григорий подарил Ирине три длинные розы изумительного нежно-абрикосового цвета, и сейчас они лежали рядом, на краю столика.

Была суббота, девять часов утра. В этот ранний час в кафе никого, кроме них, не было. Они сидели у окна и пили горячий кофе. Кроме кофе они заказали еще по коктейлю (Григорий сегодня был не на машине), а также по порции взбитых сливок. Тарелочки с десертом и стаканы с коктейлем стояли рядом на столике.

Ирина, сидя напротив Григория, подняла свой взгляд и посмотрела ему прямо в глаза.

– Ну, что, Гриша, – медленно сказала она и, стараясь унять волнение, отвела взгляд в сторону. Пытаясь взять себя в руки, она всегда невольно принимала шуточный тон. – По поводу выдвинутого предложения могу сказать, что я согласна его принять.

Григорий смотрел на нее, не отрывая взгляда. Его светло-серые глаза излучали почти ощутимую мужскую энергию. Эта энергия обволакивала Ирину, она чувствовала, что от его взгляда у нее колотится сердце и подкашиваются колени.

Григорий взял ее ладони в свои руки и, улыбаясь, сказал:

– Спасибо, Ирочка. Я сделаю все, чтобы ты никогда не пожалела об этом.

Несколько минут они молчали. Медленно помешивая пластиковой соломинкой коктейль, Ирина произнесла:

– Гриша, я хочу сделать тебе в честь этого знаменательного события подарок.

Открыв сумочку, она вытащила оттуда выпуклую квадратную коробочку, в каких обычно продаются ювелирные изделия. Внутри нее на бархатной подкладке лежал элегантный золотой зажим для галстука, украшенный голубым бриллиантом, испускающим сверкающие лучи.

– Ира, ты с ума сошла!! Зачем ты купила мне такой дорогой подарок? Это я буду дарить тебе самые красивые вещи на свете! – воскликнул Григорий. Он, конечно, видел, что эта уникальная вещь выполнена в том же стиле и, похоже, принадлежит к тому же комплекту, что и Иринин кулон и серьги.

– Я его не покупала, – спокойно ответила Ирина. – Это наследство. – Она бросила на Григория внимательный, испытующий взгляд. – Сейчас я расскажу тебе интересную историю.

Она опустила глаза и замолчала. Было очевидно: то, о чем она собирается рассказать, является для нее чем-то сокровенным, волнующим.

– Ты знаешь, Гриша, я ведь никогда не видела своего отца. Мама не была замужем за ним, – начала свой рассказ Ирина. – За год до моего рождения она работала официанткой в кафетерии Русского музея. Там она познакомилась с моим отцом. Он был гражданином Австрии. В качестве технического переводчика он сопровождал группу австрийских инженеров, которые работали здесь над установкой электрооборудования для двух строящихся городских больниц. В тот день, когда он познакомился с моей мамой, он со своей группой пришел в Русский музей. После осмотра все они зашли в кафетерий, там он и познакомился с моей мамой.

Ирина перевела дыхание и замолчала. Видно было, что ей трудно рассказывать историю своего появления на свет, тяжело извлекать ее из своей памяти.

– Они встречались всего несколько раз. Моей маме он нравился, и она ему, похоже, тоже. Но он сказал, что у него в Австрии есть невеста, дочь богатого фермера, и что через три месяца у них назначена свадьба. Когда он уехал, мама обнаружила, что беременна. Она не захотела делать аборт, и так на свет появилась я. Мама знала, что на помощь отца рассчитывать нечего. Но она все же сообщила ему, что у него родилась дочка (у нее осталась визитная карточка с координатами фирмы, в которой он работал). Она считала, что отец ребенка в любом случае имеет право знать, что где-то на свете есть маленький человек, который носит в себе его гены. Отец ничего не ответил. Видимо, он опасался, что мама будет предъявлять к нему материальные претензии и все такое.

Ирина снова сделала паузу. Затем она медленно выпила несколько глотков коктейля и продолжила свой рассказ.

– Мама пару раз посылала ему мои детские фотографии: там, где мне был годик, и когда мне исполнилось три года. Но никакой реакции не последовало, хотя отец знал мамин адрес и телефон. Потом, когда мне было десять лет, маме позвонил приятель отца, приехавший в Ленинград с туристической группой, и сообщил ей, что отец год назад скоропостижно умер от сердечного приступа. Кстати, он так ни на ком и не женился.

Тем временем в кафе понемногу стали приходиться посетители. Несколько столиков уже были заняты людьми, пришедшими выпить чашечку утреннего кофе.

– Год назад мне позвонила одна женщина, – продолжила Ирина, – которая сказала, что она приехала из Австрии и привезла для меня письмо. Она назначила мне встречу в гостинице и там отдала мне его. Это было послание от адвоката, частного поверенного моей бабушки, которая жила в Зальцбурге. Оказалось, что отец рассказал ей о том, что у него в России есть дочь. И бабушка незадолго до своей смерти сделала завещание, согласно которому она оставила мне старинные фамильные драгоценности их семьи. Тем самым, она как бы приняла меня, признала, что я ее внучка, – сказала Ирина взволнованным голосом, слегка опустив голову. Видно было, что этот рассказ заставляет ее заново переживать душевную боль, вызванную отсутствием в ее жизни отца. – Эти фамильные драгоценности состояли из нескольких женских и мужских ювелирных изделий, выполненных в едином стиле и составляющих гарнитур. Это редкие, антикварные вещи, – в ее голосе прозвучала горделивая нотка. – Та заколка для галстука, которую я тебе сейчас подарила, взята как раз из этого гарнитура. Так что не беспокойся, я не потратила ни рубля на ее приобретение, – улыбнулась она.

Григорий молча смотрел на Ирину. Его лицо приняло серьезное, внимательное выражение.

– А как же эти вещи очутились здесь, в России? – спросил он.

– Тут интересная история. Сначала я, понятное дело, съездила в Австрию и законно вступила в права наследования. Затем я положила вещи в банковскую ячейку и стала думать, как бы доставить их в Россию. Мне не очень-то хотелось официально перевозить эти вещи через границу и таможеню. Наше родное государство, как ты сам понимаешь, основательно

приложило бы ручку к тому, чтобы облегчить мой ювелирный багаж. Налоги, пошлины и прочие законные и незаконные поборы...

Григорий усмехнулся и понимающе покачал головой.

– К счастью, мне повезло, – продолжала Ирина. – Моя подруга, которая уже семь лет живет в Америке, помогла. Друг ее мужа имеет дипломатическую неприкосновенность, он и привез мне эти вещи из Австрии в своем дипломатическом багаже.

Ирина закончила свой рассказ и замолчала.

В это время барменша, находящаяся за стойкой бара, встала на табурет, пытаясь достать бутылку со стеклянной полки, висящей над большим, во всю стену, зеркалом. Вдруг она сделала неловкое движение, табурет качнулся и барменша, пытаясь сохранить равновесие, взмахнула руками. Несколько высоких стаканов, стоящих на полке, со звоном упали на стойку бара, брызнули вокруг мелкими осколками, и посыпались со стойки на пол. Молодой человек и девушка, стоящие рядом со стойкой бара, отшатнулись в сторону.

«Нехороший знак!» – подумала Ирина. Ей стало тревожно. «Нехороший знак», – снова подумала она. Ее настроение было испорчено, но она не подала вида.

Допив остывший кофе и съев взбитые сливки, Ирина и Григорий вышли из кафе. Гуляя по Невскому проспекту, они договорились, что через неделю пойдут в ЗАГС подавать заявление на регистрацию брака.

А сейчас Ире нужно было ехать к Ане, чтобы повидаться с нею напоследок, так как та через пару дней улетала к себе обратно в Лос-Анджелес.

Григорий посадил Ирину в такси, поцеловал ей руку, и она уехала.

* * *

Григорий сидел на кухне и рассматривал альбом с семейными фотографиями, который дала ему Ирина.

– Вот здесь мне годик. А на этой фотографии мне пять лет. А это фото сделано в первый школьный день, ну, помнишь, было принято водить первоклашек в фотоателье и делать снимок на память. А вот это моя мама в молодости. Правда, красивая? – комментировала Ира.

На фотографии, на которую она указала, была изображена женщина лет двадцати пяти с правильными, холодновато-строгими чертами лица и высоко поднятыми бровями. Она чем-то напоминала Ирину, но не совсем. Видимо, Ира была больше похожа на своего отца. В тот момент, когда Ира показывала ему фотографию своей матери, Григорий заметил, что на безымянном пальце ее правой руки сверкнуло изящное кольцо с голубым бриллиантом, несомненно, принадлежавшее к той же коллекции фамильных драгоценностей.

– Какая красота, – взяв Ирину ладонь в свои руки, произнес Григорий. – На твоих нежных пальчиках такая старинная вещь смотрится именно так, как надо. У тебя аристократические руки! – погладив ее длинные пальцы с ухоженными ногтями, добавил он.

Услышав комплимент, Ирина улыбнулась. Затем, отложив просмотренный альбом в сторону, они неторопливо пили кофе и разговаривали о том, о сем.

– Слушай, а ты не боишься хранить такие вещи дома? – неожиданно спросил Григорий. – Ведь это все-таки опасно. – Он ждал, что она ответит на это. Если она скажет, что вещи хранятся где-то в другом месте – ну, что ж, такая предосторожность с ее стороны вполне понятна.

– Так ведь никто же не знает, что я храню их здесь. Только самые близкие люди: мама, потом Аня, потому что ее муж помог мне организовать перевозку вещей из Австрии сюда, и вот теперь ты, – немного смущенно и в то же время доверчиво ответила она. – И потом, я придумала для них такое место, что ни один черт не догадается, где их найти. Хочешь, покажу?

Григорий молча кивнул. Ему, действительно, интересно было посмотреть коллекцию таких красивых, неординарных и, несомненно, уникальных вещей.

Ирина принесла с кухни табурет и поставила его рядом с письменным столом, стоявшим у окна. Она встала на табурет, затем переступила на стол. Чуть подтянувшись на цыпочках и немного повозившись за оконной шторой, за самым ее верхом, она достала оттуда маленький шелковый мешочек. Спустившись со стола, она подошла к Григорию и протянула ему этот мешочек.

– На, смотри, – сказала Ирина. – А правда, я здорово придумала? – добавила она. – Я долго ломала голову, где бы мне сделать тайник. Я знала, что обычно люди хранят деньги и ценности среди белья, на книжных полках, в банках с крупой и тому подобное. Во всяком случае, – засмеялась она, – когда милицейские работники по телевизору выступают, то они говорят, что в этих местах как раз хранить ничего нельзя, потому что воры в первую очередь именно там и ищут. И тут мне в голову пришла гениальная мысль: сделать кармашек с изнаночной стороны оконной шторы. Ведь, смотри, карниз у меня закреплен высоко, и штора достаёт почти до потолка. Таким образом, штора закрывает не только окно, но и часть стены над ним. Поэтому кармашек, который я там пришила, никак нельзя увидеть ни со стороны комнаты, ни со стороны улицы, тем более, что он маленький, примерно шесть на шесть сантиметров.

Григорий восхищенно покачал головой. Действительно, если не знать, то ни за что не додумаешься. Что значит женская логика! Непостижимо.

Ирина снова повторила вопрос, явно гордясь своей изобретательностью:

– Здорово я придумала? Хоть бы похвалил!

– Я потрясен, – в тон ей ответил Григорий, улыбаясь и потирая руки.

Он осторожно вытащил из тонкого шелкового мешочка горстку украшений и положил их на журнальный столик, стоявший перед ним. Казалось, весь свет, который был сейчас в комнате, сосредоточился, точно так же, как собирается солнечный луч в увеличительном стекле, на этой кучке голубых бриллиантов. Они распространяли вокруг себя ослепительное сияние, и от них исходила особая загадочность, присущая старинным вещам, сделанным руками хорошего мастера.

Ирина протянула ему кусочек черной бархатной ткани.

– На вот, возьми, подложи под них бархат. На нем они выглядят гораздо красивее, – предложила она. – Она сняла с пальца кольцо и добавила его в лежащую на столике кучку, рядом с остальными предметами. Видно было, что она гордится принадлежащими ей драгоценностями. И не только потому, что они были сами по себе прекрасны, но в еще большей степени оттого, что, благодаря им она чувствовала себя как бы признанной своим умершим отцом, которого ей так и не суждено было увидеть.

– Изумительная красота, – восхищенно произнес Григорий, не в силах оторвать взгляда от переливающихся голубых огоньков.

Гарнитур состоял из шести предметов: четырех женских и двух мужских. Кроме кулона, серег, кольца и заколки для галстука, которые Григорий уже видел раньше, там был женский браслет и мужские запонки. Браслет представлял собой маленькие овальные золотые пластинки, скрепленные между собой. Центральная из них была украшена голубым бриллиантом. Запонки напоминали своим видом уже виденные Григорием серьги, с той разницей, что их крепления были, естественно, разными.

Насмотревшись на драгоценности, Григорий встал и подошел к Ирине. Он положил руки ей на плечи, и глаза их встретились. Она чувствовала, что ее сердце сейчас выскокит из груди. Григорий наклонился к ней и поцеловал ее в щеку, в висок, в шею. Наконец, они поцеловались в губы, и этот поцелуй был бесконечным.

Они стояли, тесно обнявшись, снова слившись в сумасшедшем поцелуе. Затем оба они мгновенно оказались обнаженными. Ирина чувствовала, как твердая, словно камень, мужская плоть упирается ей в низ живота и требовательно поднимается вверх. Далее все произошло настолько быстро, что Ирина даже не помнила, как они очутились на разложенном диване, как постелили белье. Она только чувствовала большое сильное тело Григория на себе, гладила его плечи и спину с выпуклыми, твердыми мышцами, ощущала его мощные, равномерные толчки глубоко внутри своего тела, впитывала терпкий и нежный запах его кожи, смешанный с одеколоном, пахнущим морским прибоем. Стремясь увеличить силу трения плоти о плоть, она все больше и больше сжимала мышцы внутри себя в такт мощным толчкам Григория.

Все это продолжалось бесконечно. Их сплетенные тела принимали разные позы, смятая простыня сбилась под ними, их шумное дыхание и стоны наслаждения слышались попеременно. Обоюдное возбуждение было столь велико, что их тела никак не могли насытиться друг другом. Немного передохнув в полудреме после каждого оргазма, они снова и снова возобновляли свой безумный бег к наслаждению, и посему ритмичное поскрипывание дивана никак не утихало.

Наконец, через несколько часов, вконец обессиленные, они замерли в объятиях друг друга.

– Умираю, хочу пить! – тихим, чуть хриловатым от любовного изнеможения голосом медленно произнесла Ирина. – Ты не принесешь мне сока? – она нежно погладила руку Григория.

– Конечно, моя дорогая, сейчас, – ответил он, и, встав с дивана, пошел на кухню.

Ирина проводила взглядом его сильную, атлетически сложенную обнаженную фигуру.

Ощущение невыразимого счастья затопило ее. Она закрыла глаза, мысли ее блуждали, ни на чем не останавливаясь, а тело пребывало как бы в невесомости. Наконец, ей неудержимо захотелось спать, она почувствовала, что глаза, помимо ее воли, закрываются, и она вот-вот уснет.

– Гриша, ну где ты там? Умираю, хочу пить, – повторила она.

– Сейчас, – громко ответил он. – Сейчас принесу. Один момент.

Кажется, Григорий, прежде, чем пройти на кухню, на пару секунд остановился в прихожей. Впрочем, может быть, это ей просто показалось?

Григорий вошел, наконец, в кухню, открыл холодильник и достал картонную упаковку с грейпфрутовым соком, которую он принес накануне вместе с бутылкой вина, тортом и фруктами. Затем он разжал ладонь. В ней находилась крохотная пластиковая аптечная бутылочка, в каких обычно продаются глазные капли. Бутылочка была заполнена прозрачной бесцветной, как вода, жидкостью. Григорий открыл кран с водой, чтобы шум струи заглушил посторонние звуки, которые могли возникнуть.

– Сейчас я принесу тебе сок, только стакан сполосну, – громко сказал он.

Григорий заполнил три четверти стакана холодным, чуть горьковатым грейпфрутовым соком. Затем он открыл пластиковую бутылочку, вылил из нее все содержимое в сок и слегка взболтнул стакан, чтобы обе жидкости хорошо смешались.

На подоконнике сидел большой серый персидский кот. Он, не отрываясь, смотрел на Григория. Его плоская мордочка имела характерное для этой породы высокомерное, слегка презрительное выражение. Взгляд кота был неподвижным и непроницаемым, как у сфинкса.

Вода из кухонного крана продолжала течь, заглушая посторонние звуки. Наконец, Григорий закрыл кран. Затем он понес стакан с соком в комнату, где на постели дремала Ирина.

– Спасибо, милый, – приподнявшись на локте, сказала она и взяла у него из рук сок. Ей страшно хотелось пить, поэтому она в несколько глотков осушила стакан. – Знаешь, за что

я люблю грейпфрутовый сок? За то, что у него резкий и горьковатый вкус. Это очень освежает, правда? – и она вопросительно посмотрела на Григория, как бы ища в его глазах подтверждения своим словам.

– Да-да, я тоже его люблю, дорогая моя, – ответил он, – так что наши вкусы полностью совпадают, – утвердительно кивнул он.

Убедившись, что Ирина крепко уснула, он быстро оделся. Теперь она проспит как минимум 12 часов. Той порции снотворных таблеток, которые он захватил с собой из дома, предварительно тщательно растворив их в горячей воде, должно вполне хватить на двенадцать и даже более часов.

Чтобы прогнать вполне естественную после бурных любовных утех сонливость, Григорий, обжигаясь, проглотил чашку крепчайшего, черного, как ночь, кофе. Потом он выдернул телефонную вилку из розетки, а также заблокировал Ирин мобильный телефон, чтобы кто-нибудь из ее знакомых не разбудил ее раньше времени своим настырным звонком. Затем он вышел на лестницу, и, убедившись, что на площадке никого нет, с той же целью мгновенно вставил кусочек спички в дверной звонок, между кнопкой и прилегающей к ней узкой щелью.

Потом Григорий быстро собрал драгоценности в шелковый мешочек и положил его в двойной внутренний карман куртки, застегивающийся на маленькую молнию. После этого он надел прозрачные полиэтиленовые перчатки, вытащил из кармана чистый носовой платок, зашел в ванную, как следует смочил платок Ирининым дезодорантом и тщательно протер им все, к чему прикасался в квартире.

Ирина лежала на диване и безмятежно спала. Он слышал ее ровное, тихое дыхание. Ее волосы в беспорядке разметались по подушке, размятая кожа выглядела гладкой и свежей. Ее тонкая рука с длинными пальцами виднелась из-под простыни. Он подошел ближе. Слабый запах нежных духов исходил от ее волос. «Красивая женщина», – подумал Григорий.

Осторожно захлопнув дверь, он сбежал по лестнице.

Теперь надо было действовать быстро, очень быстро.

* * *

Григорий вышел из подъезда, сел в машину и поехал по направлению к выезду из города. У него в запасе было какое-то время. После того, как Ирина проснется, она вряд ли сразу же заявит в милицию о пропаже драгоценностей. Ведь коллекция была ввезена в страну нелегально, без оформления надлежащих документов. Поэтому, скорее всего, Ирина в первую очередь поднимет на ноги самых близких людей, и будет советоваться с ними, что делать.

И, действительно, в милиции ее сразу же спросят: откуда у нее имеются такие ценности? На какие доходы они куплены? Может ли она документально подтвердить эти доходы? Есть ли у нее товарные чеки, удостоверяющие стоимость ювелирных украшений? Или хотя бы дарственные или наследственные бумаги? И т. д. и т. п. Пока Ирина придумает (или адвокат посоветует), что ей следует отвечать на подобные вопросы, пройдет какое-то время. Поэтому, полагал Григорий, у него в запасе есть хотя бы часов восемнадцать-двадцать времени.

Но расслабляться все равно нельзя. Надо действовать, благо план действий был всесторонне продуман заранее, начиная с того момента, когда он только увидел кулон с голубым бриллиантом. В тот момент он нюхом, который пока еще ни разу не подводил его, почувствовал, что за этой вещицей что-то кроется, что такой кулон женщина не могла просто так купить в магазине «Ювелирторга». И интуиция его не обманула.

Григорий подъехал к платной автостоянке, находящейся на пути его следования, и, предъявив паспорт и документы на машину на имя Лукина Григория Алексеевича, оплатил на неделю вперед место для автомобиля, на котором он приехал. Затем он заехал на указанное место, аккуратно поставил туда машину и, включив сигнализацию, вышел с территории автостоянки.

Пройдя энергичным шагом две остановки пешком, он свернул на боковую улицу, затем сделал еще один поворот. Миновав пятьдесят метров, он вошел на территорию другой автостоянки и, предъявив необходимые документы на имя Шерстнева Олега Всеволодовича, забрал со стоянки скромные «жигули» неброского темно-бежевого цвета.

Надо было поторапливаться. В пути всегда могут возникнуть непредвиденные ситуации, поэтому лучше иметь побольше времени про запас, – рассудил он.

Он еще заранее рассчитался с пожилой женщиной, у которой он в течение полутора месяцев снимал квартиру, и заплатил «тете Вере» за месяц вперед. Он договорился с нею, что, если ему понадобится срочно съехать с квартиры, то ключи он оставит у соседки. Мнимая «тетя Вера», сдававшая ему жилье, даже паспорта у него не спросила, видимо, надевшись на его представительный, внушающий доверие вид. Она знала только, что его зовут Гриша, а больше ее ничего не интересовало. Видимо, те деньги, что он платил ей за квартиру, были для нее существенной прибавкой к пенсии. Поэтому пожилая женщина не стала задавать слишком много вопросов солидному аккуратному постояльцу. Съезжая с квартиры, он, разумеется, тоже протер спиртом все поверхности, к которым прикасался. Так что никаких «пальчиков» там остаться не должно.

«Жигули» целенаправленно двигались на север города, к шоссе, ведущему к российско-финской границе. В кармане Олега Шерстнева лежал внутренний паспорт, загранпаспорт, водительские права и документы на машину. Кроме того, там была шенгенская виза, дававшая право Шерстневу Олегу Всеволодовичу беспрепятственно въезжать в большинство европейских стран.

Надо как можно быстрее добраться до границы, пересечь ее, а уж в Хельсинки у него есть свой человек, бывший соотечественник, который связан с «черными», то есть, подпольными, антикварами. Конечно, этот перекупщик не даст ему полную стоимость ювелирных вещей, это понятно, кое-что он должен на них заработать и сам. Но и тех денег, что он ему заплатит, будет более чем достаточно. На какое-то время, понятно.

Как только он получит деньги, то сразу же, не теряя ни минуты, сядет в машину и поедет в Швецию, затем в Данию, а далее – везде. Как поется в песне: «наш адрес не дом, и не улица». В общем, ищи – свищи!

Выехав из города, Олег дождался, пока на обочине дороги не появилась сплошная лесополоса. Затем он проехал еще пару километров и заехал в лес. Отъехав на расстояние, на котором его не было видно с трассы, он заглушил двигатель, вышел из машины и размял затекшие руки и ноги. Затем открыл капот и, минуту повозившись там, снял крышку с бачка, в котором находился тосол – жидкость, охлаждающая двигатель. Ярко-голубой тосол заполнял бачок примерно на три четверти. Олег вытащил из кармана драгоценности, переложил их в маленький двойной полиэтиленовый мешочек подходящего голубого цвета, туго перевязал его резинкой и осторожно просунул внутрь бачка. Мешочек опустился на дно, полностью сливаясь по цвету с охлаждающей жидкостью. Теперь его совершенно невозможно было разглядеть ни сверху, через открытую горловину, ни сбоку, через непрозрачный полиэтилен, из которого был сделан бачок.

Проделав все это, Олег поставил крышку бачка на место и плотно закрыл ее.

После этого он поискал на земле, неподалеку от машины, укромное место и, найдя его, выкопал там небольшую ямку. Сложив в ямку документы на имя Григория Лукина, шелковый мешочек из-под драгоценностей, пластиковую аптечную бутылочку из-под снотвор-

ного, полиэтиленовые перчатки и носовой платок, которым он протирает поверхности в квартире Ирины, он поджег образовавшуюся кучку. Подождав, пока займется огонь и вещи обуглятся хотя бы так, чтобы их трудно было опознать, он забросал ямку землей и прикрыл ее еловыми ветками. Сверху он набросал полусгнившие опавшие листья, издающие прелый запах предзимнего леса. Остальное довершит природа: дожди, снег, сырая, болотистая почва, характерная для этого региона.

Сделав все, что нужно, Олег, не мешкая, выехал из леса. Теперь он немного успокоился и поехал дальше. Перед его глазами расстилалась прямая, почти пустынная в этот ранний утренний час шоссе.

Перед его внутренним взором появилась Ирина, он вновь увидел ее спящее лицо на подушке и нежную, тонкую руку, бессильно упавшую вниз. «Приятная женщина», – подумалось ему. – «Одинокая. Ждет Мужчину своей мечты», – несколько цинично продолжил свою мысль Олег. Затем он постарался отогнать воспоминания.

Он знал, какое впечатление он производит на женщин. Да, он умел пленять их. Ему доставляло удовольствие создавать вокруг них обволакивающую атмосферу, магнетическое поле Сильного Мужчины. Ему нравилось видеть, как теплеют и расцветают их лица, затуманиваются глаза. Сколько их было, влюбленных в него женщин...

Было около восьми часов утра. Солнце не так давно взошло, утреннее небо было чистым и холодно-синим, как это часто бывает в самые последние дни октября. Ночи в это время года студёные, с начинающимися заморозками, и поэтому увядшая, пожухлая трава кое-где была покрыта инеем. На фоне прозрачного неба резко выделялись мелькающие стволы деревьев и столбы линий электропередач, белели рожицы молодых тонких берез.

Прямая, ровная дорога расстилалась перед лобовым стеклом автомобиля. Шерстнев прибавил скорость, благо машин на шоссе почти не было. Далеко впереди виднелся мост-путепровод, под которым проходило несколько железнодорожных товарных линий. Слышался отдаленный перестук вагонов и отдельные короткие гудки тепловозов.

Подъезжая к мосту, Шерстнев еще прибавил скорость. Чем быстрее он пересечет российско-финскую границу, тем лучше. Позже там может быть уже очередь из желающих посетить страну Суоми. Не хотелось стоять в очереди, то и дело заглушая мотор и медленно, шаг за шагом продвигая машину вперед, как это бывает иногда на автозаправочных станциях.

Машина уже двигалась по путепроводу, и Шерстнев еще чуть-чуть надавил на педаль газа, чтобы без труда преодолеть небольшой подъем моста. До него доносился знакомый запах железнодорожных путей, составляющий своеобразную, ни с чем не сравнимую смесь машинного масла, мазута, смешавшегося с землей, и влажноватых шпал.

Автомобиль уже почти подъезжал к середине моста, как вдруг прямо перед ним сверкнул обледеневший участок пути, освещенный отблеском утреннего солнца. Шерстнев резко вывернул руль влево, пытаясь объехать скользкое место, но было поздно. Машина, ехавшая до этого на большой скорости, влетела на гололед, ее занесло влево, затем резко крутануло вправо, и, наконец, сделав еще один неконтролируемый виток, она пробилла ограждение и полетела вниз, прямо под колеса приближающегося товарного поезда.

Перед внутренним взором Шерстнева мгновенно, как в каком-то сумасшедшем калейдоскопе, промелькнули картины его жизни. Последним, что он увидел, было спокойное и мягкое, с невыразимой любовью глядящее на него лицо матери.

Автомобиль, нелепо подпрыгнув, со скрежетом и звоном разбившегося стекла рухнул прямо на рельсы. Воздух оглашался непрерывно звучащим тревожным, громким, низким гудком тепловоза. Дверцы автомобиля были раскрыты настежь, водителя выбросило на расстояние нескольких метров от машины, прямо под колеса неумолимо приближающе-

гося поезда. В его широко раскрытых неподвижных светло-серых глазах отражалось утреннее небо. Из угла рта вытекла струйка крови.

Столкновение было неизбежным. Огромное мощное железное тело тепловоза накрыло своим грохочущим брюхом то, что осталось от Олега Шерстнева. Неумолимо продолжая по инерции двигаться, тепловоз столкнулся с искореженным автомобилем, нанес ему еще один удар, окончательно сплющивший его, протащил его вперед и, наконец, остановился.

За стеклом кабины тепловоза виднелось застывшее, белое, как бумага, лицо машиниста. Глаза его были расширены до предела. Его помощник, высунувшись из двери, что-то кричал.

Но ни Григорий Лукин, ни Олег Шерстнев ничего уже не слышали.

День святого Валентина

Стас лежал в постели и дремал. Он еще до конца не проснулся. Был десятый час утра. Из кухни послышался голос Валентины, она громко звала:

– Стасик! Вставай! Я тебе завтрак готовлю, зайчик мой!

И она заглянула в дверь спальни с радостной, кокетливой улыбкой.

Стас познакомился с Валентиной пару месяцев назад, на киносъёмках. Он работал осветителем, а Валентина была художницей по костюмам. Как-то раз вечером, после трудного съёмочного дня пятеро человек из их группы поехали к Вале домой, чтобы посидеть, отдохнуть и, как водится, расслабиться. В период киносъёмок члены группы, как это нередко бывает у киношников, сдружились и частенько проводили свободное время вместе. Особенно это касалось «выпить-закусить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.